

Ключевые слова: политическая, гражданская, европейская идентичность, этнические, конфессиональные, территориальные/региональные аспекты идентичности, модели идентичности в современном обществе.

Аннотация к статье: В статье рассматриваются проблемы политизации социальных аспектов идентичности, анализируются ситуации конфликта этнической, конфессиональной и общегражданской идентичностей. Автор уделяет внимание проблеме отношения к своей стране как к «Другому», показывает причины снижения значимости традиционных собственно политических (идеологической, партийной и персонифицированной) идентичностей. Особого внимания заслуживает обращение к теме формирования к европейской идентичности не только как к цивилизационной модели, но как к институциональной форме политической организации Единой Европы.

Key words: political, civic, European identity, ethnic, confessional, regional aspects of identity, models of identity in modern societies.

Summary: Popova O. V. Political identity peculiarities in the Russia and European countries. In this article there are discussed the transformation of social (ethnic, confessional, regional, civic) models of identity into political identity. The author deals with problems of relations to “own country” as to “Another”, “European identity”, destroying of traditional forms of political identity.

Попова О. В.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ И СТРАНАХ ЕВРОПЫ

Важнейшими характеристиками политического сознания людей являются, наряду с политическими ценностями и предпочтениями, политические установки, прежде всего — политическая идентичность. Прошло почти полвека с момента выхода известной коллективной монографии американских исследователей Э. Кемпбелла, У. Миллера, П. Конверса и Д. Стоукса «Американский избиратель», в которой были сформулированы основные идеи теории партийной идентичности [Campbell, Converse, Miller, Stokes 1960]. В рамках этой концепции исследователи, казалось, нашли способ универсального объяснения моделей электорального поведения. Ориентация на партию (в более поздних версиях — на определенную идеологию и/или политического лидера) позволяла прогнозировать исход выборов. Партийная идентичность позволяет людям «просеивать» политическую информацию и «отсекать лишнюю», не соответствующую позиции «своей партии», играет важ-

нейшую латентную институциональную роль, способствуя стабилизации партийной системы и не позволяя «внесистемным игрокам» проникать во властные структуры.

Данная статья посвящена обсуждению особенностей политической идентичности граждан европейских государств и России в ситуации, когда требование мультикультурализма сливается с нормами политкорректности, но редко устраивает не только меньшинства, но и крупные социальные группы, а традиционные «маркеры» для формирования политической идентичности (идеологии, политические партии, политические лидеры) постепенно утрачивают свое значение. В стандартных вариантах формирования политических идентичностей по типу «я-другой-чужой-враг» или «я-иной-другой» все чаще доминирует первый вариант (в европейских странах даже чаще, чем в России). В первом случае формируется интолерантная модель восприятия политической реальности, во втором случае восприятие «других» остается достаточно терпимым. Особое значение здесь приобретает разграничение дискурса «своего» или «чужого». «Своими» становятся по причине общего происхождения (принадлежность к одному этносу, социальной группе, происхождение из одного города или региона, окончание одного вуза), в результате символического посвящения в члены некой корпоративной группы*.

Сравнительный анализ состояния политической идентичности в различных странах представляется достаточно сложным по технической причине. На сегодня существует несколько исследовательских мониторинговых баз и разрозненных исследований в европейских странах и в России, что не позволяет провести полноценное сравнение состояния этого вида установок. Подобное утверждение кажется спорным, поскольку ИС РАН с начала 1990-х годов проводит мониторинг, изучающий особенности российской идентичности, в РФ проводили исследования политической идентичности зарубежные исследователи Т. Брейдер, Дж. Такер, А. Миллер, в различных регионах в рамках опросов общественного мнения изучают особенности региональной и общегражданской идентичности, в Европе мониторинговые проекты Eurobarometer и EVS проводят измерение европейской и особенностей собственно политической идентичности. Но все они реализуются на разных методологических и методических основаниях, используют несовпадающие системы индикаторов, что делает затруднительным проведение сравнительного анализа. Именно поэтому мы вынуждены использовать данные различных проектов только как иллюстрации.

Некоторые отечественные исследователи ставят под сомнение существование собственно политической идентичности россиян. Например, В. Гельман указывал на неустой-

* Круг подобных общностей исключительно широк: это может быть членство в какой-либо политической партии, контакты с представителями властной элиты, например, выполнение функций помощника депутата Государственной думы, Законодательного собрания с доступом в их помещения или работа над речью политика и т. д.

чивость партийной системы. К. Митчин, отдавая должное методологии постмодернизма и ясно подметив снижение собственно идеологической составляющей в политических программах партий и отдельных политиков, утверждает уже неизбежность ее исчезновения: «Усугубляет критическое положение потеря сетки политических координат: фантомы коммунизма уходят в прошлое, иллюзии о “либеральном супермаркете” тают. Других моделей общественного устройства на складе “заготовок” у политиков нет, а в эпоху глобализации и быть не может... Многие попавшие в политику люди позволяют себе рассматривать ее как часть хозяйственной деятельности, вроде призового помоста для чемпионов на конкурсе капитала. Это для них оборачивается фатальной ошибкой. Политика — бой гладиаторов политической мысли. Но самое худшее для общества то, что политическая идентичность не только таких политиков, но и ориентирующихся на них людей исчезает» [Митчин <http://dialog.kz/site.php?lan=russian&id=139&pub=229>]. М. К. Горшков утверждает, что «жизненные ценности россиян, “что такое для них хорошо, а что такое плохо” — и есть смысловое и психоэмоциональное ядро национальной идентичности» [Горшков 2007а].

К аналогичным выводам о снижении показателей партийной идентичности приходят и европейские исследователи. Скептические выводы касаются стран и со стабильной партийной системой, и тех, где активное формирование партий происходило в последние 20–30 лет. Причины низких показателей идентификации граждан европейских стран с политическими партиями различны. Например, в Испании, где в годы диктатуры политические партии, за исключением франкистской фаланги, были запрещены, политическая идентичности касалась собственно отношения к правящей персоне. Затем процесс либерализации власти осуществлялся во многом благодаря запуску механизма договоренности между элитными группами, а рядовые граждане были практически исключены из процесса принятия политических решений. Понятно, что имитация политической мобилизации в форме призыва участвовать в выборах сама по себе не способствует формированию партийной идентичности [Современная Испания 2003: 71]. Аналогичная ситуация развивается в РФ в последние 8 лет. Вопреки классической теории политической идентичности сейчас существует существенное различие между типом партийной идентичности и электоральным поведением. В Испании в наибольшей степени сформирована партийная идентичность сторонников левых партий (ИСРП — Испанской социалистической рабочей партии и КПИ — Коммунистической партии Испании), однако большинство испанских избирателей склонны позиционировать себя как центристов, меняя при этом на очередных выборах партию, за которую они отдают свой голос.

На наш взгляд, справедлива точка зрения, согласно которой социальные модели иден-

тичности — гендерная, возрастная, этническая, конфессиональная, территориальная / региональная и т. д. — приобретают в современном обществе политический характер. В данном случае нельзя не согласиться с канадским философом Ч. Тейлором, который утверждает, что современная идентичность (любой ее вариант!) — политическая по своей сути, поскольку требует не просто универсального признания, но прежде всего признания тех групп, которые были в известной степени маргинальными и в отношении которых ранее применялась дискриминация.

Найдется немало примеров того, как в современной политической жизни традиционные политические акторы — классы, партии, профсоюзы и даже государства — играют все меньшую роль, снижается влияние идеологии в партийной жизни; большинство партий для привлечения сторонников играют роль «всеядных» партий. Классические партии, опирающиеся на четко обозначенные идеологию и социальный класс, все чаще оказываются в рядах аутсайдеров, не надеющихся на политический успех. Этому прямо противоречит политическая практика государств Западной и Восточной Европы, где значительную роль в последние годы играют не просто «правые» силы, но те игроки, в чьих программах присутствуют националистические лозунги. Политические деятели все реже становятся «образцами для подражания», а современного «типичного» гражданина интересует скорее стиль жизни референтной группы, а не политические взгляды реальных политиков. Наконец, в условиях ускорения информационного обмена человек вынужден «применять» все новые и новые варианты идентичности.

В развитии политической идентичности наших сограждан в посткоммунистической России можно выделить несколько этапов: а) 1991–1998 гг. — период доминирования негативной деструктивной идентичности, когда традиционная модели политического позиционирования у большинства россиян были разрушены; б) 1998–2002 гг. — период противоречивого (конфликтного) состояния политической идентичности; в) с 2003 г. по наше время — период деполитизации сознания и расширения оснований для формирования политической идентичности. 2003–2004 годы — тот отрезок времени, когда можно говорить об определенном переломе — преодолении кризиса политической идентичности россиян*.

Основными компонентами идентичности, по мнению Л. М. Дробижевой, являются группы, с образом которых связывает себя индивид, представление о «своей группе» — «мы-образ», эмоциональная окрашенность отношения (может быть позитивной и негативной) [Дробижева, 2001]. На наш взгляд, в структуру идентичности необходимо внести об-

* Характеристики политической идентичности россиян в 1991–2003 годы подробно описаны автором в публикациях, поэтому остановимся только на некоторых тенденциях, обнаружившихся в последнее время [см.: Попова 2005: 127–139; Попова 2004: 58–71; Попова 2003: 248–264; Попова 2002б; Попова 2002а; Попова 1998].

раз «Другого». Л. М. Дробижева, ссылаясь на типологию А. Н. Малинкина, выделяет актуальные для новой России параметры самооценки (характеристика места России в мире; отношение к особости России, русским, другим народам мира и РФ, к традиционной российской идентичности, к модернизации; отношение к интеграции в мировое сообщество (глобализации)). Хотя работа этого автора написана совсем недавно, выделенные ей модели идентичности (революционаристский тип (радикально настроенные «западники»), либералистский (умеренные новые «западники»), центристский («микст» «западников» и «славянофилов»), консервативный (умеренные новые «славянофилы») и фундаменталистский (радикально настроенные новые славянофилы), на наш взгляд, остались в 1990-х годах.

Все чаще политическая идентификация людей с традиционными идеологиями оказывается незначимой. Объективно конфликт глобальной и противостоящей ей локальной (региональной, местной) идентичности в открытой и скрытой формах присутствует и в нашем обществе. Это проявляется в негативном отношении к эмигрантам и проявлении националистических настроений, подчас выплескивающихся в насильственные незаконные действия. Происходит усиление первичной идентичности, тех устойчивых элементов культурных моделей, которые обычно описываются как традиционалистские. Это относится к религиозным, местным ценностям, возрождение интереса к которым отражает потребность человека в устойчивых этических и нравственных ориентирах. Религиозные ценности могут способствовать социальной интеграции в модернизирующихся обществах. Этническая идентичность в нашей стране достаточно часто являет собой пример «утраченной идентичности», которая понимается как нечто существующее, но не проявленное, «безголосое», что может и должно проявиться при определенных условиях, как нечто, обретаемое заново.

Важнейшими показателями при оценке состояния политической идентичности являются устойчивость ее моделей и степень распространения негативной модели. Негативная политическая идентичность должна рассматриваться не только как этап социализации, но и может представлять собой серьезную политическую проблему. Пик развития негативных моделей политической идентичности пришелся на вторую 1990-х годов, в это время произошло расслоение социального самосознания («русские» и «россияне», «новые русские» и «старые русские») и фрагментацию и политизацию моделей идентичности на отдельные составляющие — профессиональные, этнические, расовые, религиозные, лингвистические, мифологические и другие субидентичности. Например, в 1996 г. в сознании высококвалифицированных рабочих доминировали негативные модели идентичности, что соответствовало утраченному на тот момент чувству социальной перспективы для этой

группы и вообще тождества группы как таковой. В 1998 г. единственный раз за всю серию опросов «Политический Петербург» было зафиксировано преобладание негативных моделей идентичности у такой исключительно благополучной в социальном отношении в российских условиях профессиональной группы, как управленцы.

Анализ устойчивости политической идентичности показал, что период изменения политических установок граждан примерно равен 2–3 годам. Но можно ожидать, что если политическому классу России удастся сохранить экономическую стабильность и предотвратить рост социальной напряженности, то сформировавшиеся в настоящий момент модели идентичности будут сохраняться длительный срок.

Таблица №1. Динамика идеологической самоидентификации петербуржцев*, %

Взгляды	1998	1999	2000	2001	2002	2005	2007
Коммунистические	15,5	11,5	11,9	14	9,2	11,7	8,3
Социал-демократические	8,7	24,0	15,8	16	20,3	17,3	14,3
Либеральные	35,2	18,9	13,9	14	14,5	13,1	9,6
Национал-патриотические	2,9	3,8	2,0	3,8	2,0	*	*
Монархистские	1,4	1,7	*	*	*	*	*
Анархистские	1,0	1,6	*	*	*	*	*
Другие	*	*	4,6	3,0	3,2	2,9	3,7
Консервативные	*	*	3,5	3,9	4,9	8,2	5,6
Смешанные	*	*	*	16,4	18,3	13,4	15,2
Затруднились с оценкой	19	17,2	22,4	12,1	12,5	18,7	25,5
Нет политических убеждений	16,3	21,3	25,7	16,8	15,2	14,6	17,8

* Категория в опросе не выделялась.

Из трех традиционных видов политической идентификации в условиях глобализации в наибольшей степени проигрывает партийная. Большинство политиков делают ставку на наиболее динамичную и поддерживаемую масс-медиа персонифицированную идентичность. Лидер, не связанный непосредственно идеологией и партийной программой может позволить себе роскошь трансформации своей позиции в зависимости от политической конъюнктуры. СМИ также заинтересованы в персонифицированном изображении политического процесса. Ставка на «рассказ о персоне» в СМИ позволяет реализовать потребность зрителя в линейном восприятии потока информации. Человек усваивает отдельные «словесные метки» («плавающие означающие», как их называет С. Жижек). Слова, фразы выполняют двойную функцию, они формируют образ политика и становятся смыслообразующим стержнем информационного сообщения, большинство новостных программ цитируют одну многократно растиражированную фразу политика. Контроль над моделями

* Данные Центра эмпирических политических исследований факультета философии и политологии Санкт-Петербургского государственного университета. С 1998 г. ЦЭПИ проводит мониторинг «Политический Петербург», ежегодно в апреле–мае отслеживая изменения политических установок жителей Санкт-Петербурга старше 18 лет (телефонный опрос, объем выборки — 1110–1200 респондентов). В проекте участвуют д-р филос. наук проф. Г. П. Артемов, канд. полит. наук, ст. преподаватель А. В. Данилов, канд. полит. наук, доцент О. В. Лагутин, д-р полит. наук проф. О. В. Попова, инженер А. В. Шенякова, студенты старших курсов и аспиранты СПбГУ. Самооценка политических установок респондентов и их реальных политических взглядов различается.

политической идентификации оказывается в руках тех, кто владеет гуманитарными технологиями и возможностью стабилизации / дестабилизации политической ситуации.

Теоретически информационное общество создает возможность для формирования огромного количества моделей идентичностей на основе горизонтальных сетей. Возрастает потребность в максимальном упрощении информации, в ее персонификации и линейности, но возникает возможность и возрождения рефлексивного, рационального подхода к политической идентификации на основе общения в Интернете, что можно было наблюдать по изменению обсуждаемых в блогах далекой от политики молодежью тем во время вторжения израильтян на территорию Ливана летом 2006 г. или во время российско-грузинско-абхазского конфликта летом 2008 г.

Как показало исследование ИС РАН «Российская идентичность в социологическом измерении» под руководством М. К. Горшкова, в сознании граждан России доминирует положительная трактовка «мы-образа» (до 93% опрошенных в возрасте от 16 до 65 лет не демонстрировали негативных реакций на свою социально-статусную и референтную группы) [Горшков, 2007б]. Результаты свидетельствуют, что собственно политические формы идентификации в настоящий момент в сознании россиян актуализированы слабо. Конечно, это является во многом следствием «политики стабильности», которая активно проводится политическим классом России в последние 8 лет. Например, «часто» ощущают общность с социально-статусными группами больше половины россиян (с товарищами по работе, учебе 55% респондентов, с людьми своего поколения — 57%, с людьми той же профессии, рода занятий — 59%, с людьми того же материального достатка — 46%).

Этнический фактор в формировании политической (и, прежде всего, партийной) идентификации является наиболее спорным. В 1980–1990-е годы многие зарубежные исследователи ставили вопрос о воздействии межнациональных отношений на формирование партийных симпатий или выбор при голосовании. Ученые при этом занимали противоположные позиции. Некоторые исследователи полагали, что этот вопрос в программах партий эксплуатируется только тогда, когда этнические меньшинства увеличиваются количественно на определенной территории и начинают восприниматься представителями титульной национальности как угрожающий фактор их доминированию (как следствие, тема эта актуализируется). Согласно другому мнению этнические отношения не являются значимым фактором тяготения людей к той или иной партии и не могут существенно влиять на выбор при голосовании. Исследование ИС РАН подтвердило, что для оценки уровня интенсивности политической идентификации в современном российской обществе важно то обстоятельство, что с людьми той же национальности часто испытывают чувство общности больше половины россиян (эту позицию отметили 54% респондентов). При

этом общегражданская идентичность «мы-образа» актуализирована в сознании только 35% россиян (только каждого третьего, хотя на уровне персональной самооценки эта характеристика упоминается респондентами несколько чаще, чем собственная этническая принадлежность или регион проживания). Фактически это свидетельствует о том, что значительная часть граждан России может попасть под влияние националистической риторики, а проблема формирования общегражданской политической идентичности в России стоит до сих пор достаточно остро.

Доля людей, для которых в общении с другими значимы их смысложизненные ценности и верования, остается высокой — с людьми, разделяющими взгляды респондента на жизнь часто испытывают чувство общности 62%, но при этом близость с людьми по политическим взглядам — только 27%, причем по этой позиции наблюдается достаточно резкое снижение среди более молодых граждан страны. Но и тех, кто ощущает близость с людьми, которые не интересуются политикой, тоже не очень много — каждый пятый (22%).

В ситуации резкого изменения всей жизнедеятельности российского общества идентификация населения по религиозному или национальному признаку приобретает ярко выраженный политический характер. Это проявляется в частности, в стремлении некоторых партий использовать в своих программах религиозно-идеократические, национально-религиозные, ценностно-демократические подходы и концепция «оригинального» развития России. Периодически проявляющийся рост сепаратистских, центробежных настроений свидетельствует о том, что люди боятся утратить свое национальное «Я», которое является «последним прибежищем» после разрушения «имперской» идентичности или идентичности с советским народом. В нашей стране этническая идентификация связана с территориальной и конфессиональной. Россия — евразийская страна, объединяющая более 150 народов и народностей, пестрая культурологически (западный индивидуализм и традиционная восточная общинность) и религиозно (православие, ислам иудаизм, буддизм и т. д.).

Методически сложным аспектом исследования политической идентификации является вопрос о том, каким образом можно интерпретировать «легкость» деления людей на «своих» и «чужих» или приписывание «своим» если не выдающихся, то хороших качеств. Является ли это свойством людей с ярко выраженной идентичностью или данную особенность следует рассматривать в другом контексте, например, считать признаком ограниченности, неразвитости, интолерантности? Каким образом выраженная политическая идентичность сочетается с политической толерантностью? Совместимы ли они, могут ли они проявляться одновременно? Можно, конечно, предположить, что толерантность не

связана с политической идентичностью, является признаком неавторитарной личности, а выраженная этническая самоидентификация может быть присуща как людям с коммунистической идентичностью, так и носителям демократических или националистических ценностей.

Люди с низким социально-экономическим статусом стремятся найти внешнего врага (не «иногo», не «чужогo», а именно «врага») чаще всего именно среди представителей иных этносов, поскольку различия между ними наиболее явны, зримы. За национальностями издавна закрепились определенные образы и роли, о чем свидетельствует, в частности, фольклор любого народа. Например, немцы воспринимаются как пунктуальные, мелочные, англичане — закрытые, неэмоциональные, армяне — шумные, вспыльчивые, русские — ленивые неорганизованные пьяницы, смекалистые, талантливые самоучки, терпящие «до последнего», обладающие «общинным» сознанием и т. д., украинцы — хитрые. Конечно, в моноэтнических обществах этническая идентификация оказывается не столь значимой и не влечет за собой явных политических последствий. Этническая идентификация может базироваться на общности внешнего облика, языка, традиций, исторической судьбы, вероисповедания. Именно поэтому некоторым людям больше импонируют армяне или сербы (христиане), чем азербайджанцы или албанцы (мусульмане), хотя в повседневной жизни контактов с представителями этих этносов у них нет.

Связь между политической ориентацией (демократической, коммунистической и центристской) и проявлениями этноцентрических стереотипов достаточно слабая. Однако авторитарное сознание население почти обязательно сопровождается этноцентризмом, который связан с противопоставлением «своих» и «чужих» и предполагает не критическое одобрение характеристик «своих» и приписывание «чужим» более низкого статуса. К характеристикам авторитарной личности относятся и негативные установки к «чужакам», политический конформизм по отношению к своей группе, консерватизм, конвенционализм, милитаризм, религиозность, нетерпимость к инакомыслию, неопределенности и беспорядку, политической интолерантность, отказ от приоритета рационального начала в выборе политической позиции.

Утрата привычных ценностей отдельным человеком, «изживание» старых стереотипов в отношениях «государство – индивид» и «индивид – индивид» сопровождалось в 1990-е годы одновременно потерей идентичностей, облегчающих межличностную коммуникацию. Этническая идентичность как наиболее «видимая» выходит в самоопределении человека на первый план, когда иные значимые идентичности утеряны. Если человек определяет себя прежде всего через принадлежность к какому-либо этносу, это свидетельствует о том, что политическая идентичность находится в стадии дезинтеграции, и основная ее

функция — сохранить целостность личности. Этническая идентификация может проявляться различно, например, в виде негативного отношения к возможности доступа представителей нетитульной нации к рычагам политической власти и экономического влияния.

«Русская карта» активно «разыгрывается» представителями политической элиты. Сейчас в России русские действительно переживают кризис идентичности, что выражается в ощущении потерянности, аполитичности, неспособности или нежелании поддерживать «своих» в отличие, например, от народностей Кавказа. У большинства русского населения новые политические ценности не сформированы. Политическая самоидентификация (самоназвание, самообозначение) россиян не соответствует системе их политических ценностей. Именно поэтому современный российский авторитаризм выполняет очень важную адаптационную функцию, он призван компенсировать утрату политической и национальной идентичности. Робкие пока попытки высшего политического класса навязать идеологему «российская национальность» являются зеркальным отражением выражения «новая общность советский народ» и ставят в очередной раз под сомнение правомерность вопроса «Что значит быть русским в России?». Парадокс, но позиционировать себя как русского в собственной стране, как бы сказать помягче, некомфортно, неудобно. Вряд ли могут служить объяснением слова С. Хантингтон о том, «кризис национальной идентичности наблюдается повсеместно, то есть носит глобальный характер».

В России, как и в современной Европе, сохраняется серьезный конфликтный потенциал этнической идентичности вопреки стремлению политического класса создать солидарное общество с единой наднациональной моделью идентичности [Бекназар-Юзбашев 2005: 203–214]. Для России ситуация осложняется стремлением национальных элитных групп в субъектах Федерации сохранить в качестве значимых моделей и национальные и региональные, которые позволяют жестко контролировать формирование общественного мнения в нужном направлении, для Европы — фактически провалившейся политикой мультикультурализма. Но для большинства европейцев этническая идентичность переплетается с общегражданской; когда они говорят о себе «я француз», «я немец», «я итальянец», то говорят одновременно об двух моделях самопозиционирования. Другое дело, если речь идет о гражданах европейских стран — потомках выходцев с африканского или азиатского континентов. Для них в любом случае сохраняется примат этничности над гражданством. Например, во Франции потомки выходцев из стран Магриба практически поголовно продолжают воспринимать себя «не как французов». В данном случае ситуация осложняется тем, что этническая идентичность тесно переплетена с конфессиональной. Сформировалось три модели такой идентичности. Первая группа («граждане окраин») ес-

ли и считает себя «французами», то очень четко привязывает «свою Францию» с местом их реального обитания, то есть понятие «Родина» имеет вполне конкретный локально-территориальный характер, где эти люди чувствуют себя достаточно безопасно в окружении таких же потомков эмигрантов. Для представителей второй группы — «приспособленцев» — важно заявить, что они «не такие как все», но имеют равные с другими гражданами права и возможности. Третья группа — «космополиты» — самым главным считают свою собственную индивидуальность, для них это важнее, чем принадлежность к какой-то группе, в том числе и своей этнической. Это не значит, что они перестали ощущать себя сторонниками ислама, тунисцами, алжирцами или марокканцами. Гражданами Франции они себя ощущают главным образом потому, что это «удобная для жизни страна», эти люди считают свою принадлежность к каким-либо сообществам результатом их свободного выбора [Деминцева 2008: 161–170]. Как следствие, в полиэтнических государствах возможен конфликт параллельно сосуществующих идентичностей.

Для решения этой проблемы возможен выбор из трех вариантов: а) «специфическая этническая дифференциация общества сохраняется, а государственное единство обеспечивается за счет иерархической организации и контролируемой деэтатизации этничности» (модель империи, которая считается неэффективной в современных европейских государствах); б) «модель государства, организуемая по принципу деэтнизации государственности и создания надэтнической «политической нации» (модель, типичная для северных европейских государств); в) «модель мультинационального государства, где межэтническая интеграция реализуется в признании этнокультурного плюрализма общества и полиэтнизации государства) (формально доминирует в западноевропейских странах) [Бекназар-Юзбашев 2005: 203–214]. И Россия, и большинство европейских стран (конечно, встречаются и исключения, например, страны Балтии вопреки декларируемому ими принципу демократии как основного условия развития политической сферы) предпочли третий вариант.

Представление об «естественных» границах России также политически окрашено. Некоторые из наших сограждан полагают, что Россия должна существовать в границах Российской империи или СССР, другие исповедуют принцип «малой родины», ассоциируя Россию только с территориями, по преимуществу населенными этническими русскими (хотя на самом деле подобных территорий не существует, их можно найти только в «глубинке» российского Нечерноземья). Есть категория сограждан, которые считают, что Россия должна существовать как многонациональное государство в нынешних границах. Наконец, для части россиян эта проблема является несущественной, или они не могут определить свое мнение о территориальных границах.

Самими россиянами Россия в 1990-х годах часто воспринималась в качестве «Другого», хотя большинство населения нашей страны объективно являются государственниками. Ощущение мощи (экономической, политической, военной) своей страны является значимым не менее чем для 2/3 россиян, но с начала 1990-х годов ни один (кроме президента, рейтинги доверия и поддержки которого с 2000 г. не опускались ниже 64%) институт государственной власти (включая силовые структуры, судебные органы, законодательные органы федерального и регионального уровня и т.д.) не имеет поддержки более 35% россиян [Горшков 2003]*.

В массовом сознании россиян в XIX сформировалось, а в сталинское время закрепились разделение образов «страны» и «государства». Первый образ воспринимался как родина, отечество, второй — как контролирующий и ограничивающий аппарат насилия, действующий в интересах очень узкой группы людей. Часто объектом патриотических чувств выступает «родная страна», но не «это государство». В 1990-х годах почти у всех социальных групп в качестве устойчивого речевого штампа появилось выражение «эта страна», что показывало внутреннюю дистанцированность, отчуждение, стремление выйти из ситуации, связанной с процессами уничтожения советского порядка, с ростом тревожности, отсутствием чувства безопасности, социальным неблагополучием в России. Из речи простых россиян этот штамп исчез примерно к 2003 г., однако с экранов телевизора во время разнообразных политических ток-шоу из уст известных людей до сих пор звучит «эта страна». Может ли политический истеблишмент, лидеры общественного мнения, представители списка успешных бизнесменов-миллионеров работать на благо страны, отстаивать ее интересы, если они не считают ее своей? Вопрос риторический, ответ предполагается только один — отрицательный.

У российской элиты нет обоснованного отношения к истории нашей страны, современные идеологи все время путаются в выборе идеального временного отрезка (весьма красноречива реклама телевизионного проекта «Имя Россия»: «Будущее мы уже выбрали, пора выбирать прошлое»). За последние восемнадцать лет в этом качестве постулировались практически все этапы становления Руси, кроме советского. Впрочем, и здесь грядут перемены. Выбор в качестве гимна новой России переделки старого гимна сталинско-

* Показатели по Санкт-Петербургу несколько отличаются. Так, например, после 2005 г. уровень доверия правительству РФ достигает 43%, а федеральной службе безопасности — 52%! Но данные отклонения легко объясняются, если взять в расчет биографию В. В. Путина (в том числе первую профессию) и Д. А. Медведева, а также учесть место их рождения. Интересные данные дают ежегодные телефонные опросы «Политический Петербург-200.», показывающие из года в год, что вне зависимости от политических ценностей, разделяемых горожанами, не менее 67% респондентов признают приоритет интересов государства над интересами личности. И это притом, что только 7% петербуржцев полагают, что могут оказывать влияние на власть. Хотя доля петербуржцев, ориентирующихся на примитивные уравнилельные стандарты социальной справедливости, очень невелика и составляет менее 5%, однако более 85% полагают, что именно государство (а не сами люди!) должно создавать условия для своей благополучной жизни.

брежневской эпохи («Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь...») говорит о многом. Потребность в апелляции к «той России», невозможность найти реальную идеологическую опору для государства в настоящем интуитивно ощущается российским политическим истеблишментом. Но эклектичный выбор символов современного российского государства (двуглавый орел в качестве герба, модифицированный гимн советской эпохи, андреевский флаг и т. д.) весьма символичен. Образ России как «Другого» активно используется в настоящее время радикальной либеральной оппозицией как средство позиционирования в политическом пространстве.

Исследование ИС РАН показало, что в последние годы в сознании россиян резко снизилась (в полтора-два раза) значимость идентификации с территориальными общностями. Для оценки региональной идентичности исключительно важно учитывать ее масштаб (собственный населенный пункт, область) и характер связи региональной идентичности с этнической и общегражданской. Часто испытывают чувство общности с людьми, живущими в том же городе или поселке, 39% опрошенных. Воспринимаются как почти фантомные политические макромоделю идентичности с общностью «советский народ» (15%), с гражданами СНГ (11%), с европейцами (6%), с человечеством в целом (8%). Эти данные фактически свидетельствуют об ограничении в сознании наших сограждан «площадки» для формирования толерантности по отношению к «Другим». Этот вывод подтверждает и резкое увеличение за последние 15 лет доли людей, которые никогда не испытывали чувства общности с россиянами (с 6% до 15%), с гражданами СНГ (с 21% до 38%), с общностью «советский народ» (с 18% до 43%), со всеми людьми на планете (с 22% до 56%). [Горшков 2007б]. Но в целом фантомные модели идентичности — от кланово-родственной до советской — сохраняются в сознании людей с доминированием патерналистских установок.

В большинстве восточно-европейских стран, находившихся после Второй мировой войны в зоне влияния СССР, в 1980-х годы различие между «они—мы» «читалось» легко, поскольку «они» предполагало указание на свои властные структуры, правителей, коммунистический режим, а «мы» — на нацию, общество, неполитическую частную жизнь. В 1990-х годах принцип деления изменился. На рубеже 1980-1990-х годов, когда оппозиция, стремящаяся к власти, воспринималась как единое антикоммунистическое движение, дилемма «они—мы» на короткий срок трансформировалась в «наше—мы» [Fras 1996: 157]. Однако для консолидации любой группы нужен если не враг, то хотя бы «Другой».

С. Роккан и Д.В. Урвин отмечали, что «большинство стран Европы, если не все, являются многонациональными, обладая несколькими слоями идентичности... Когда, как и в какой степени осуществляется превращение социальной обособленности в политическое

явление — эти вопросы касаются как эмпирических исследований, так и теоретических построений» [Роккан, Урвин 2003: 119]. Национальные государства в Европе вследствие политики «открытых дверей» и поддержки мультикультурализма встречаются исключительно редко.

Хотя изначально все государства Европы и были в той или иной степени полиэтническими и мультикультурными, однако усилившиеся интернационализация экономик и размывание межгосударственных границ, рост усилий по мобилизации периферии против национальных центров и декларация меньшинствами культурной автономии в принятии решений по конкретной («своей») территории сформировали условия, общие для усиления региональной и в некоторых случаях этнической идентичности. Можно выделить 4 типа государств в Европе, где формируются «полюсы континуума национального строительства»: а) формируется преимущественно территориальное пространство («вообще не наблюдается идентичности иной, нежели отождествление себя с государством»); наиболее близка к этому типу Норвегия, Исландия, Португалия, Австрия, Дания); б) формируется преимущественно территориальное пространство, но с сильными признаками «периферийной» идентичности (в государстве есть отдельные компактные районы, в которых региональная идентичность конкурирует с общегражданской; Германия, Финляндия, Италия, Франция); в) формируется преимущественно «пространство принадлежности, но с сильными признаками территориального пространства»; Великобритания, Бельгия (региональная и этническая идентичности конкурируют на равных с общегражданской); г) формируется преимущественно «пространство принадлежности» (часть граждан страны склонны в силу своего этнического происхождения в большей степени идентифицировать себя с внешними по отношению к своему государству территориями, но это отнюдь не означает отсутствия общегражданской идентичности; в этом случае у населения страны усиливается множественность моделей идентичностей; подобная ситуация проявляется, например, в Румынии и Венгрии) [Роккан, Урвин 2003: 119–122]. Один из наиболее сложных случаев — Украина, где решение вопроса «кто я» упирается в выбор одновременно из нескольких вариантов: украинец (как представитель национальности или государства), житель одного из шести исторически сложившихся регионов или европеец. Фактически для этого государства (как для всех восточно- и центральноевропейских государств, входивших в зону влияния СССР) интеграция в Европу, принятие ее гражданами общеевропейской идентичности означает безоговорочное принятие «определенных этических, духовных, социально-политических ценностей, возникших в контексте сугубо западноевропейской культуры, как единственно возможных цивилизационнообразующих критериев» [Окара 2001].

По сравнению с этнической идентичностью идентичность европейская представляется многим исследователям всего лишь интеллектуально-речевой конструкцией. В общем потоке исследований, посвященных проблеме идентичности, тема европейской идентичности занимает относительно небольшое место. Однако значимость ее повышается постоянно. Ряд исследователей, например, П. Вебнер и Н. Ювал-Дэвис считают, что формирование европейской идентичности является всего лишь промежуточным этапом в формировании «внегосударственных» форм идентичности в современном мире и поддерживается идеями толерантности и демократии [Jamieson, Grundy 2005: 122]. Данные Евробарометра в целом подтверждают, что молодежь не только более позитивно смотрит на идею Единой Европы, но и обладает более высокими показателями сформированности «европейской идентичности». Приведенные ниже в таблице №2 данные показательны, однако нужно учесть то обстоятельство, что опрос проводился в крупных городах, где любые показатели интеграции в сознании жителей данных регионов оказываются выше.

Таблица Признание европейской идентичности и европейского сознания молодежью (18–24 года) (%)*

Государство	Зона опроса	Ощущение сильной привязанности к Европе	Сильное восприятие себя в качестве европейца	Членство моего государства в Единой Европе важно для моего самовосприятия	Часто или всегда думаю о себе, как о гражданине Европы
Австрия	Брегенз	Вопрос не задавался	52	41	Вопрос не задавался
	Вена	Вопрос не задавался	59	33	Вопрос не задавался
Чехия	Прага	42	65	44	9
Словакия	Братислава	44	59	60	11
Германия	Чемnitz	43	63	31	45
	Бельфельд	47	64	32	49
Испания	Бильбао	39	28	17	32
	Мадрид	53	38	37	37
Великобритания	Эдинбург	32	23	15	4
	Манчестер	39	30	26	10

* Источник: [Jamieson, Grundy 2005: 124].

Считается, что для европейца более типично «ощущать себя европейцем» (подчеркивается культурно-цивилизационная составляющая самосознания), чем «гражданином Европы» (акцент ставится на политико-институциональной составляющей). Если в 1970–2000-х годах исследователи пользовались первой формулой, то в настоящее время считается, что вторая из указанных формулировок дает более точные результаты с точки зрения оценки сформированности европейской идентичности. Достаточно низкие показатели (см. последнюю колонку таблицы) для Чехии, Словакии и Великобритании объясняются разными причинами: для первых двух из названных стран обычно называется в качестве причины определенная утрата экономических связей с традиционными партнерами «с востока», для последней — территориальная изолированность. Важным является тот факт, что

ощущение себя гражданином Европейского сообщества не связано у молодых европейцев с высокими показателями этнической, культурной или политической толерантностью [Jamieson, Grundy 2005: 131]. Связь другая: молодые люди с более высокой политической активностью и активной гражданской позицией в большей степени склонны ощущать свою гражданскую идентичность с Европейским Союзом.

Институционализация единства европейского сообщества не является гарантией формирования надгосударственной — общеевропейской идентичности. Об этом красноречиво говорят результаты голосования граждан европейских государств в референдуме по поводу принятия общеевропейской конституции. Общеевропейская идентичность рассматривается интеллектуальной элитой как самостоятельная ценность, попытка свести проблему единства европейских государств к принципам формирования единого экономического пространства вызывает негативную реакцию. Жан-Люк Нанси, один из крупнейших французских мыслителей современности, высказался по поводу провалившегося голосования за общеевропейскую Конституцию так: «Это всего лишь небольшой набросок, очень приблизительный, в котором масса двусмысленностей: например, много говорится об экономическом состоянии Европы, но почти ничего — о ее политической самоидентификации... отсутствие Европы как таковой. Никакой Европы ведь не существует, ее просто нет... В настоящий момент Европе так и не удалось вернуть себе свою идентичность... европейской демократии так и не удалось достичь своей идентичности в общеевропейских масштабах. Она сохранила свои национальные идентичности: французскую, итальянскую и т. д., — при этом каждая из них в отдельности достаточно сильна, а вот общеевропейская идентичность отсутствует...» [Нанси 2005]. В этих комментариях содержится очень важное указание на то, что наличие коммунистических государств (соцлагеря) было после Второй мировой войны спланивающим фактором, позволяющим жителям стран «старой» демократической Европы ощутить цивилизационное и политическое единство, в настоящее же время идея левых о социальной справедливости абсолютно не коррелирует с принципом общеевропейской идентичности.

Любой вариант политической или политизированной социальной идентичности не должен (но может) выступать предметом целенаправленного социального конструирования и создаваться элитными группами, обладающими властными полномочиями [см. Малахов]. Как показывает В. Малахов, политика конструирования национальной и редуцирование ее к этнической идентичности удобна для власти, поскольку позволяет апеллировать к теме единства большой общности и манипулировать ей. Попытка конструирования идентичности общеевропейской относится к тому же сорту явлений. Э. Райтер прямо указывал, что «ЕС, несомненно, еще не обладает идентичностью. Его смысл обосновывается

ожиданием полезности и взаимозависимостью интересов ... Объединенная Европа как единое целое нуждается в политической идентичности, а не только в оправданности в качестве целевого союза ... Европейство как ценностное сообщество сможет охватить лишь ограниченное число культур и наций, чтобы общий культурный знаменатель не стал бы слишком малым» [Райтер 2000].

Итак, как Европа, так и Россия в области формирования новых моделей политической идентичности столкнулись с общими проблемами. На повестке дня всех европейских государств стоит вопрос о формировании новых идентичностей, способных заменить идентичность национальную в ситуации размывания культурной однородности граждан страны (культурная диверсификация) и усиления «этнической компоненты» в политической жизни. Формирование надгосударственной (не просто европейской, но модели «европейского гражданства») идентичности откровенно буксует, поскольку европеизации общественной жизни вполне успешно противостоит явление глокализации. Сами по себе демократические нормы и ценности политической жизни современных европейских государств не способствуют на формирование новых моделей идентичности.

Бекназар-Юзбашев Т. Б. 2005. Этничность, коллективная идентичность и положение этноменьшинств в смешанных сообществах // *Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире* / Под ред. О. Ю. Малиновой и А. Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, с. 203–214 // <http://www.strategy-spb.ru/index.php?do=biblio&doc=416>.

Горшков М. 2007а. *Российская идентичность в условиях трансформирующихся процессов* // <http://www.rosnation.ru/index.php?D=37&goto=68>

Горшков М. 2007б. *Российская идентичность в социологическом измерении* // http://www.isras.ru/analytical_report_Ident.html

Горшков М. К. 2003. *Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ) 1992–2002 гг.* М.: РОССПЭН.

Деминцева Е. 2008. *Быть «арабом» во Франции.* М.: Новое литературное обозрение.

Дробижина Л. М. 2001. *Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость* // http://ethnopsy.mgppu.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=20

Малахов В. *Неудобства с идентичностью* // http://www.archipelag.ru/geoculture/new_ident/interpretatio/discomfort/

Митчин К. *Безыдейная политика без политической идентичности* // <http://dialog.kz/site.php?lan=russian&id=139&pub=229>

Нанси Ж.-Л. 2005. Интервью // *Топос*. №4. <http://www.topos.ru/article/3835/printed>

Окара А. Н. 2001. *Украина и Россия в поисках Европы-II* // <http://lib.rin.ru/doc/i/99477p.html>

Попова О. В. 1998. Политическая идентичность в кризисном обществе // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер.6. Вып.2 (№13).

Попова О. В. 2002а. *Политическая идентификация в условиях трансформации общества* // СПб., Изд-во СПбГУ.

Попова О. В. 2002б. Функции политической идентификации в трансформирующемся обществе // *Вестник СПбГУ*. №3.

Попова О. В. 2003. Политическая идентификация в посткоммунистических странах в 1990-е годы: пример России и Польши // *Компаративистика – III: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований*. СПб.: Социологическое общество им. М. М. Ковалевского.

Попова О. В. 2004. Проблемы трансформации политической идентичности в условиях глобализации // *Политический анализ. Сборник докладов ЦЭПИ СПбГУ* / Под ред. проф. Г. П. Артемова. СПб., Изд-во СПбГУ, Вып. 5.

Попова О. В. 2005. Политические установки петербуржцев: проблема адекватности самоидентификации // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. Вып. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Райтер Э. 2000. Идея европейской федерации // *Современная Европа*. № 2.

- Роккан С., Урвин Д. В. 2003. Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму // *Логос*. №6 (40).
- Современная Испания*. 2003. М.: ИНИОН.
- Campbell A., Converse P.E., Miller W.E., Stokes D.E. 1960. *The American Voter*. New York, Wiley.
- Fras J. 1996. Political Discourse as an Expression of the Polish Political Culture after 1989 / *The Political Culture of Poland in Transition* // Ed. by A. W. Iablonski, G. Meyer. Wroclaw.
- Jamieson L., Grundy S. 2005. Political participation and European citizenship identity // *Revisiting youth political participation: Challenges for research and democratic practice in Europe* / Ed. By J. Forbing. Strasbourg: Council of Europe Publishing.